

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
9 класс

Аналитическое задание. Выполните целостный анализ прозаического или поэтического текста.

Ю. Яковлев

Последний фейерверк

Послушайте, мальчики! Знаете ли вы, что я был знаком с самим Джузеппе Роджеро? Это был знаменитый мастер. Огненный композитор. Он исполнял свои произведения не на скрипке и не на тромбоне. Его музыка рассыпалась в небе разноцветными огнями...

Мальчишки с открытыми ртами сидели на пороге старого бастиона и слушали рассказ дяди Евгения. А он, худой, костистый, с двумя большими морщинами на впалых щеках, с редкими пепельными волосами, широко разводил руки, словно открывал перед маленькими слушателями всю свою жизнь.

— Джузеппе Роджеро был молод и красив. Его вороненые кудри развевались на ветру, а большие черные глаза горели неиссякаемым восторгом... Я был его учеником.

При слове «ученик» мальчики сразу представили себе дядю Евгения за школьной партой, а красавца Джузеппе Роджеро на месте учителя. Дети никогда не видят взрослых молодыми. Им трудно представить себе дядю Евгения мальчиком, и поэтому в воображении ребят дядя Евгений сидел за партой в своих стираных-перестиранных полотняных брюках, в белой рубашке с неизменным галстуком «бабочкой» на худой шее. А учитель Роджеро с развевающимися кудрями звал дядю Евгения к доске и велел ему взять мел и писать.

Старый бастион стоит на обрыве над самым морем. Когда разыгрывается шторм, море с грохотом идет на приступ каменной башни.

Волны лезут по скалам, но обрываются и падают вниз, разбиваясь о камни. Бастион неприступен. Когда-то здесь стояла крепость. Неизвестно, отчего больше пострадало это славное боевое сооружение — от турецких ядер или от времени. Над пористым потемневшим камнем выросла акация. Ее легкая, призрачная листва еще больше оттеняет тяжесть и угловатость бастиона.

В бастионе стоит пушечный дух. Но не потому, что в нем ухают старинные пушечные орудия, которые заряжают с дула и подпаливают смоляным факелом. Этот дух поддерживает «адская кухня» — пиротехническая мастерская дяди Евгения. «Адской кухней» дядя Евгений называет ее, когда у него плохое настроение. При хорошем же расположении духа пиротехник зовет свой бастион «мастерской праздника». Мальчишки не

помнят, когда появилась эта необычная мастерская. Вероятно, дядя Евгений облюбовал башню бывшей крепости задолго до их появления на свет.

Дядя Евгений очень худ. Кости проступают на скулах, на подбородке, на острых плечах и на лодыжках ног. Кажется, он сделан из того же материала, что и бастион. Ежедневно он снимает с двери висячий замок, похожий на большой каблук, и входит под своды своей таинственной мастерской. Сюда не ступала нога ни одного мальчишки. Невысокий стертый порожек преграждал им путь, как строгая граница. И плохо приходилось тому, кто вопреки запрету дяди Евгения осмеливался нарушить эту границу.

Зато смотреть можно сколько угодно. Смотреть, спрашивать, интересоваться содержанием банок, выпытывать секреты составления огненных смесей — это может каждый. И поэтому любой мальчишка из соседнего детского дома в курсе дела, из чего делают римские свечи и бенгальские огни. И каждый назубок знает всю огненную палитру дяди Евгения: красный цвет соли стронция, зеленый — соли бария, синий — углекислая медь.

— Вот подрастете, — говорил дядя Евгений своим друзьям, — я научу вас искусству пиротехники.

Мальчишки клялись посвятить свою жизнь этому удивительному ремеслу. Но когда подрастали, их почему-то переставали интересовать бенгальские огни, и они находили интерес в других профессиях.

Дядя Евгений оставался без учеников и последователей. Зато в друзьях у него никогда не было недостатка.

К дяде Евгению ребят привлекала не только его таинственная «адская кухня», от которой постоянно исходил жутковатый дух селитры — родной сестры пороха. Вся жизнь дяди Евгения была неиссякаемым источником самых необычных историй. И хотя мальчишки знали всю историю старого пиротехника так же хорошо, как состав динамической смеси, приводящей в движение огненные фигуры, они снова и снова приставали к своему седому другу.

— Дядя Евгений, расскажи, как ты повернул танк.

И дядя Евгений охотно исполнял просьбу своих маленьких друзей.

— Послушайте, мальчики!

Дядя Евгений переставал месить серебристое тесто, из которого делают бенгальские огни, и обводил царственным взглядом мальчишек, которые жались к запретному порогу.

— Знаете ли вы, что, когда немцы подходили к городу, у нас не хватало противотанковых пушек?

Мальчишки дружно кивали головами, будто жили в то время и своими глазами видели, что противотанковых пушек не хватало.

— Тогда я взял на себя один рубеж. Вы можете мне не верить...

Дядя Евгений делал паузу, словно хотел прочесть в глазах своих слушателей: верят они ему или не верят? И глаза отвечали: верим!

Тогда он продолжал:

— Вы можете мне не верить, но я вырыл себе окопчик... Чертовски крепкая у нас земля, сплошной камень... Я вырыл себе окопчик и принес в него весь запах своих римских свечей. Я сел на дно окопа и стал ждать. У меня не было никакого оружия. Даже перочинного ножа. Но со мной было мое искусство. И я надеялся на него, мальчики... Мне было очень неудобно в окопе. И я сложился пополам, как железный метр. Вы можете смеяться, но я сложился пополам. Колени уперлись в подбородок... У меня онемела поясница, и я не мог ее потерять, потому что рука не проходила. И когда пошли танки, я обрадовался. А? Что? Смешно?!

Рассказчик делал паузу. Он испытывал терпение своих слушателей и нагнетал в них любопытство.

— На меня шел танк. А я сидел неподвижно, как кролик, загнипнотизированный удавом. Я забыл о пояснице. Я смог бы сложиться вчетверо, только бы танк не лез на меня. И тогда я поджег первую римскую свечу.

Слушатели облегченно вздохнули, словно речь шла не о безобидной римской свече, а о грозном оружии, способном уничтожить танк.

— Я поджег одну римскую свечу, потом вторую, третью... Потом...

Вы можете мне не верить, но когда десяток римских свечей, рассыпаясь огненными искрами, загорелся вокруг танка, фашист не выдержал. Он повернул... Если вы мне не верите, то уходите и никогда больше не являйтесь ко мне.

Мальчишки молчали. Они боялись спугнуть вдохновение дяди Жени неловким движением или покашливанием. Он властвовал над их душами. А властелином он был своенравным и капризным.

— Он повернул, мальчики! Он испугался вот этого теста!

Дядя Евгений протягивал к ребятам изделие своей «адской кухни» и начинал хохотать. Его трясло от смеха. Хохотали глаза, морщины на щеках, плечи, а старенький артистический бантик буквально подпрыгивал на его шее от смеха. Некоторое время мальчишки сидели молча, не зная, что делать. Тогда дядя Евгений переставал смеяться и прикидывался сердитым.

— Что вы не смеетесь? Разве не смешно?

В такие минуты в старом бастионе разыгрывался маленький спектакль. Ребята делали вид, что впервые слушают историю с танком, а дядя Евгений старался изо всех сил, будто рассказывал ее в первый раз.

Потом он неожиданно начинал жаловаться своим друзьям на то, как трудно доставать химикаты, на невнимание со стороны властей, на то, что «мастерская праздников» влачит жалкое существование.

— Моя профессия отмирающая, — сокрушенно говорил он. — Хотя пиротехника — младшая сестра ракет и космических кораблей.

И маленькие друзья всем сердцем хотели, чтобы его профессия не отмирала, а жила еще долго-долго.

Дядя Евгений относился к той редкой породе людей, для которых материальные блага не занимают в жизни никакого места. Для него ничего не стоило на последние деньги купить по случаю бертолетову соль или

алюминиевые опилки. За всю свою жизнь он ничего не нажил, ничем не обзавелся. Все, что у него было, было при нем. И может быть, его единственной собственностью были старые полотняные штаны, белая рубашка с аккуратно заштопанным воротничком и галстук — «бабочка», который он надевал даже в самую жаркую погоду, как некий рыцарский знак артистов и художников.

В жаркие дни камни бастиона накалялись, а резные листья акации не могли остановить идущие напролом лучи солнца. Внизу, под бастионом, тяжело вздыхало море, словно проделало большой путь и никак не могло отдышаться. Дядя Евгений вешал на двери мастерской тяжелый замок и вместе со своими друзьями отправлялся купаться.

Худой и длиннорукий, он смешно балансировал на отвесной каменистой тропке и был похож на большую старую птицу, которая, прежде чем взлететь, долго машет крыльями.

Очутившись на берегу, он долго расшнуровывал свои ботинки, потом, прыгая на одной ноге, стаскивал полотняные штаны. В последнюю очередь он снимал рубашку и галстук-«бабочку». Дойдя до края берега, он пробовал воду большим пальцем босой ноги и подавал команду:

— Вперед! В воду!

И ребята, как будто подброшенные трамплином, устремлялись в море.

Сам он входил в воду медленно, с достоинством. А плыл, громко фырча и манерно выбрасывая вперед руки.

В старом бастионе, превращенном дядей Евгением в «мастерскую праздника», шла своя маленькая, ни на что не похожая жизнь.

В ней было что-то необычное и притягательное. И мальчишки сходились сюда, как на огонек.

Нормальный ход жизни старого бастиона нарушил вестник, который однажды появился на пороге мастерской.

— Дядя Евгений! Дядя Евгений! Лешка сжег себе руку. Его отвезли в больницу!

Чумазый широколицый паренек, принесший эту весть, стоял перед дядей Евгением и, переминаясь с ноги на ногу, ждал, пока старый пиротехник перестанет рассматривать его изумленными глазами, в которых накапливалась тревога.

— Как сжег руку? — наконец спросил дядя Евгений.

— Ракетой. Хотел запустить ракету, а она загорелась...

— Какой ракетой? — спросил дядя Евгений и, не дожидаясь ответа, стал собираться.

В этот день он в первый раз не повесил замок на двери мастерской.

Он механически поправил бантик на шее, провел рукой по остаткам волос и быстро зашагал в сторону города.

В больницу его пустили не сразу. Он никак не мог растолковать, кем он приходится пострадавшему. По его объяснениям выходило, что он посторонний человек.

— Кто вы, собственно, такой? — допытывалась дежурная сестра.

Человек в полотняных штанах, с бантиком на шее явно не внушал ей доверия.

— Я пиротехник Бурый. Евгений Сергеевич Бурый.

— Пиротехник? - настороженно переспросила сестра. — Это по вашей милости мальчик получил ожог второй степени?

— При чем здесь моя милость? — пробормотал дядя Евгений и опустил голову.

Он сел на скамью и стал ждать. Он был подавлен происшедшим.

«А может быть, я и в самом деле виноват?» — думал дядя Евгений, и эта мысль усугубляла его отчаяние.

В конце концов его все же пустили к больному Лешке. Ему дали белый халат. Халат оказался на толстого человека, а дядя Евгений был худ, и халат повис на нем, как парус на мачте при безветрии.

Но пиротехника это мало интересовало. Он даже забыл поправить бантик, который съехал на сторону.

Очутившись в палате, дядя Евгений сел на краешек койки и некоторое время сидел молча. Он разглядывал своего маленького дружка, словно хотел убедиться, не произошла ли ошибка.

— Что же это ты? — спрашивал он Лешку и качал головой.

— Я хотел ракету сделать, чтобы летела метров на сто. Понимаете? говорил Лешка.

— Ракету? — как бы про себя произносил дядя Евгений. — Что ты в нее заложил?

— Порох и... головки от спичек.

— Зачем же порох? — вспыхнул дядя Евгений, но тут же спохватился и начал говорить тихо: — Но мог посоветоваться! Я бы тебе... Да что теперь говорить!..

— Я боялся, — сконфуженно пробормотал больной.

— Кого ты боялся?

— Вас!

— Эх ты, рыба голова! Пороха не боялся, а меня испугался.

Разве я такой страшный, чтобы меня бояться?

— Вы строгий.

— «Строгий»! — передразнивал мальчика старый пиротехник. — А разве в моем деле можно быть не строгим? Мой учитель Джузеппе Роджеро бил меня по рукам... за неосторожность. И я ему благодарен.

Дядя Евгений отвернулся. Он снова ушел в свои тяжелые мысли.

Вид у него был такой расстроенный, что у Алешки сжалось сердце.

Он никогда не предполагал, что веселый чудаковатый дядя Евгений может так сокрушаться. Мальчик привстал на постели и потянул дядю Евгения за халат.

— А? Что? Смешно? — Дядя Евгений подскочил, словно его только что разбудили.

— Ничего не смешно, — говорил мальчишка. — А у меня рука почти не болит.

— Болит. Я знаю... У меня в детстве все руки были обожжены.

Но-но-но! Это тебя не касается. Ясно?

Теперь уже не он утешал Алешку, а пострадавший говорил ему о том, что ожог ерундовый. Но дядя Евгений качал головой и сутулился. Где-то подспудно он начинал считать себя виноватым. И эта мысль сломила его, сложила, будто железный метр, на части, как тогда, в противотанковом окопчике...

На другой день дядю Евгения вызвали в милицию. К товарищу Шмелеву.

Старый пиротехник долго рассматривал маленькую повестку с лиловым расплывчатым штампом. Он несколько раз перечитал ее, словно хотел проникнуть в тайный смысл этой казенной бумажки. Но никакого иного смысла не было: бумажка просто уведомляла, что гражданину Бурому Е. С. надлежит явиться такого-то числа в такое-то время к товарищу Шмелеву.

Он пришел в назначенный час. В своих полотняных штанах, которые от стирки так сели, что казалось, владелец вырос из них.

В кабинете были двое: сам товарищ Шмелев и инспектор районе.

Во время разговора товарищ Шмелев молчал. В разговоре не участвовал. Но своим присутствием товарищ Шмелев как бы скреплял каждое слово лиловым расплывчатым штампом, таким же, как на повестке.

Товарищ Шмелев молчал, а говорил инспектор:

— Государство обеспечило вас хорошей пенсией, а вы тут приработок нашли...

— Приработок? — дядя Евгений поднялся со стула. — Приработок?!

Его глаза расширились от удивления. Слово «приработок» звучало для него как иностранное, чужое слово, и он не знал точного его перевода.

Но инспектор не отступал.

— А как же, — говорил он с нажимом, — что вы, задаром целые дни корпите в своем бастионе?

— Задаром.

Инспектор недоверчиво посмотрел на пиротехника. А товарищ Шмелев отвернулся. Ему, видимо, неприятен был весь этот разговор.

— Задаром. Для души. Вы понимаете, что такое для души?

Инспектор выкатил свои черные блестящие глаза. Они, как два ртутных шарика, скользнули по серым полотняным штанам, по белой рубашке с аккуратно заштопанным воротничком и остановились на галстучке-«бабочке». Он не мог решить, кто этот старик: ловкий лжец или чудаки, свалившийся с другой планеты. И он сказал:

— Для души стихи пишут. — И тут же на всякий случай поправился: Раньше писали.

Дядя Евгений пропустил его слова мимо ушей. Он вдруг сказал:

— Вот товарищ Шмелев лет десять назад тоже проводил у меня целые дни. Спросите его. Он все знает.

Инспектор посмотрел на товарища Шмелева такими глазами, как будто сейчас на месте участкового уполномоченного уже сидел совершенно другой человек. Шмелев ерзал на стуле и был красный.

Шея, уши, лицо — все залилось яркой краской стыда.

— Да, да, — скороговоркой сказал участковый, — я дядю Евгения...

гм... товарища Бурого... знаю. Он бескорыстно действует. Так сказать, в интересах общества... Но, конечно, осторожность в таком деле...

Дядя Евгений не дал ему договорить.

— Мне все понятно, — сказал он и провел рукой по пепельным волосам. Будем осторожны.

Больше он ничего не сказал. Он поднялся со стула и направился к двери.

Что случилось с мальчиками? Почему они не появляются на пороге старого бастиона? Разве они не понимают, что без них «мастерская праздника» теряет весь свой смысл? Может быть, они после случая с Лешкой перетрусили и так сразу изменили своему другу?

Теперь в ожидании своих маленьких друзей он терялся в догадках.

Он не мог допустить, что они изменили ему. Он терпеливо ждал их, а они все не шли. Спустя неделю на старый бастион забрел Лешка. Его только что отпустили из больницы, и он, пользуясь временной свободой, свернул к дяде Евгению.

Он застал пиротехника одиноко сидящим на пороге бастиона.

Мальчик не узнал своего старого друга. Дядя Евгений зарос серебристо-рыжей щетиной. Он весь осунулся, сторбился, а глаза глубоко ввалились в глазницы. Гордый рыцарский знак сиротливо валялся на банке из-под бертолетовой соли.

Заметив мальчика, дядя Евгений привстал, улыбнулся и сделал несколько неуверенных шагов навстречу.

— Здравствуй, друг!

Он сразу оживился и стал похожим на прежнего дядю Евгения.

— Как твоя рука? Зажила? На вашем брате все заживает. Все!

Лешка молчал. Он все старался понять, что же произошло со старым другом. А тот взял его, Лешку, за плечи, стал трясти, поворачивать в стороны, словно хотел получше рассмотреть. И вдруг он отпустил Лешку и спросил:

— Слушай, а где остальные мальчишки?

Лешка запнулся, но потом ответил:

— Их сюда не пускают. Инспектор запретил. Сказал, чтобы на пушечный выстрел не подходили.

Мальчик произнес эти слова скороговоркой: хотел поскорее избавиться от них, как от чего-то очень неприятного.

А дядя Евгений отвернулся и стал смотреть на море.

— Говоришь, на пушечный выстрел? — спросил он, не поворачиваясь.

Да, так распорядился инспектор. Этому казенному человеку и в голову не приходило, что своим распоряжением он нанес удар прямо в сердце

старого пиротехника. Он отнял у него главное: его мальчиков, его собеседников, его семью, его душу. Чтобы старое дерево засохло, его не обязательно спилить, достаточно подрубить главный корень...

Лешка сказал:

— Я побегу. А то нагорит... А ракету я все равно запущу. Как только рука заживет. Пусть знают наших!

И он нехотя побрел в сторону детского дома. А дядя Евгений остался у старого бастиона.

Неожиданно темное южное небо ожило. Его разбудили стремительные огни фейерверка. Зеленые огни рассыпались электрическими искрами, красные загорались костром, синие трепетали, как фосфоресцирующие капли моря. Это начался фантастический звездопад.

Разноцветные звезды полетели с земли в небо.

Люди выбегали на улицу и, задрвав головы, неотрывно следили за игрой ярких живых огней. Никто не понимал, что случилось. Все в городе привыкли, что фейерверк устраивается по праздникам и в честь выдающихся событий. И тут же на улице стали поговаривать, что в космос ушел новый корабль и это в честь него дается внеочередной фейерверк.

Все новые и новые снопы света возникали в небе. Испуганные голуби стаями носились над городом. При свете ракет они были красными, синими, желтыми, как райские птицы.

Небо переливалось огнями, а в это время у старого бастиона кипела работа. Это отсюда стартовали ракеты и римские свечи. Всю площадку заволочло едким дымом. Похоже было, что здесь трудится целая бригада огнепоклонников. Но в дыму виднелась только одна худая проворная фигура. Она металась из конца в конец. И там, где она появлялась, возникала вспышка и звучал оглушительный хлопок.

Это был дядя Евгений. Он собрал все запасы «мастерской праздника» и превратил площадку перед бастионом в огневую позицию.

От черного дыма его белая рубаха покрылась копотью, а прядь пепельных волос крепко прихватило огнем. Но старик — откуда только взялись силы! - бегал от одной римской свечи к другой. Сейчас он пустил в ход не только все запасы своей «адской кухни», но и неприкосновенный запас молодости, который сумел сохранить до седины.

Нет, это не праздничный салют будил сонное вечернее небо — это кипел прощальный фейерверк!

Этими огнями дядя Евгений звал своих мальчиков, тех, кому настрого было запрещено появляться на пороге старого бастиона, и тех, кто давно вырос и сам забыл сюда дорогу. Он слал в небо красные, желтые, зеленые ракеты, и они сигналили, как таинственные позывные, которые были понятны только тем, кто многие часы провел с дядей Евгением.

«Эй, мальчики, — сигналили ракеты, — я ухожу от вас! Прощайте, мальчики! Вы, мальчики, — соль земли, на вас свет сошелся клином.

Мальчики всегда есть на земле: потому что на смену одним приходят другие. Я люблю вас, мальчики, мальчики, мальчики!..»

Небо кипело огнями. Но ему все казалось мало. И он стрелял и стрелял... А в глазах стояли слезы. Но это не были слезы обиды.

Это были слезы прощания.

Есть жизни, похожие на копилки: они долго теплятся. Они дают мало света и наполняют округу дымом и копотью. Но есть жизни - звезды, которые вспыхивают ненадолго, но своим горением делают мир удивительным.

Он жил, как звезда. И звезды фейерверка были его друзьями.

Еще! Еще! Еще!

Огни уходили ввысь и не возвращались на землю, а пропадали из глаз в густой темноте южного неба. И сердца знакомых и незнакомых мальчишек летели следом за этими огнями.

...Когда последняя ракета растаяла в вышине, дядя Евгений перевел дыхание и устало опустился на каменный порожек. Он глубоко вдыхал в себя родной едкий запах «адской кухни», словно хотел надышаться им впрок. Потом он поднялся. Осторожно прикрыл дверь «мастерской праздников» и ушел.

Больше его никто не видел. Может быть, он переехал в другой город. А может быть, умчался с огнями своего последнего фейерверка.

И только отблеск его фейерверков продолжает гореть в памяти людей и не погаснет до тех пор, пока в человеке жив человек.

Эдуард Асадов

Сколько лет мы не виделись с вами -
Даже страшно уже считать!
Как в упряжке с лихими конями,
Прогремели года бубенцами,
И попробуй теперь догнать!

Ах, как мчались они сквозь вьюги!
Как нам веру и память жгли!
Но забыть-то мы друг о друге,
Что б там ни было, не смогли!

Впрочем, если б и захотели,
Как там, может быть, ни смешно,
Все равно бы ведь не сумели,
Не сумели бы все равно!

Чувства - страшная это сила!
И каким бы ветрам ни выть,
Слишком много у нас их было,
Чтоб хоть что-нибудь изменить.

Жизнь не вечно горит жар-птицей.
И, признаться, что, хмуря бровь,
Нам случилось не раз сразиться,
Огорчаться и вновь мириться,
И восторгами вспыхнуть вновь.

Все же, как бы жизнь ни штормила,
Только искренность наших фраз,
Честность чувства и правды силу
Нам ни разу не нужно было
Проверять, ну хотя бы раз.

Никаких-то мы тайн не держали,
И, теплом согревая речь,
Друг о друге всегда мы знали
Каждый шаг или вздох. Едва ли
Не от детства до наших встреч.

У людей есть любые чудачества,
Качеств множество у людей.
Но правдивость - вот это качество
Было, кажется, всех важней!

Звезды с вьюгой, кружась, колышатся,
Бьет за стенкой двенадцать раз...
Как живется вам? Как вам дышится?
Что на сердце сейчас у вас?

То ли радостью новой мучитесь,
То ль мечтаете в тишине?
Ну, а что, если вдруг соскучитесь,
Вот припомните и соскучитесь
Не о ком-то, а обо мне?..

Может, скрыть эту муку, ставшую
Сладкой тайной? Да вот беда -
Все равно вы с душою вашею,
А тем паче с глазами вашими
Не слукавите никогда...

Ах, как трудно мы воздвигаем
Замки праздника своего!
И как просто вдруг разрушаем
И при этом не понимаем,

Что творим мы и для чего?!

Впрочем, как бы там жизнь ни била,
Только время не двинешь вспять.
И все то, что для нас светило
И действительным счастьем было,
Никому уже не отнять!

Были праздники. Были грозы.
Шутки. Дятел в лесной тиши,
И упреки, и ваши слезы,
И ошибки моей души...

Искры счастья не брызжут долго.
Рвали сердце мне в злой борьбе.
Я считал, что я - рыцарь долга
И в другой прозвенел судьбе...

Но расплата придет, конечно,
Если мозг твой - тупей стены.
Был я предан бесчеловечно,
Так что помните, знайте вечно:
Вы стократно отомщены!

А за горечь иль даже муки,
Что принес я вам, может быть,
Сквозь года и дымы разлуки
Я вам тихо целую руки
И почти что молю простить!

И когда б синекрылый ветер
Мой привет вдруг до вас донес,
То в прозрачной его карете
Я послал бы вам строки эти
Вместе с ворохом свежих роз!

В мире светлое есть и скверное.
Только знаю я сквозь года:
Наших встреч красота безмерная
Многим людям уже, наверное,
И не выпадет никогда!

Творческое задание

В 1992 году был создан журнал «Новое литературное обозрение». Этот журнал с любопытной аббревиатурой «НЛО» стал первым независимым гуманитарным периодическим изданием на постсоветском пространстве.

В редколлегию «НЛО» входят самые известные российские и западные специалисты по гуманитарным наукам. Материалы, опубликованные в «НЛО» входят в программу обязательной подготовки студентов гуманитарных факультетов российских вузов.

«Новое литературное обозрение» – это один из немногих российских гуманитарных журналов, публикации в котором учитываются, например, ведущими американскими университетами при найме на работу или присуждении звания профессора.

В этом журнале есть специальная рубрика, которая называется «Хроника современной литературы». В ней – интересные обзоры современных книг, литературных произведений, авторов.

Представьте, что у вас есть возможность предложить одному из авторов журнала пять книг для литературного обзора. Автор планирует, во-первых, прочесть те книги, которые вы ему предложите, во-вторых, - использовать их для своей будущей обзорной статьи по современной литературе.

Задание. Составьте список из пяти современных книг, которые вы предложили бы для литературного обзора. К каждой книге продумайте и напишите аннотацию так, чтобы автору обзора захотелось прочитать именно эту книгу. Книги, которые вы предлагаете, вполне могут быть разными и по жанру, и по тематике. Они могут принадлежать одному или нескольким авторам. Выбор за вами!